

**И. КАНТ И И. ЮНГ:
К ПРОБЛЕМЕ
СТАНОВЛЕНИЯ
КРИТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ
В НЕМЕЦКОЙ
ФИЛОСОФИИ
XVII ВЕКА**

С. Г. Секундант*

Дается сравнительный анализ критических программ Иоахима Юнга и И. Канта. Критицизм И. Юнга характеризуется как методический, а критицизм Канта – как рефлексивный. Трансцендентальный критицизм Канта базируется на трансцендентальной рефлексии, тогда как методический критицизм И. Юнга требует основывать критику на прямом, а не рефлексивном знании. Кант – субъективист, И. Юнг – объективист и реалист. В качестве фундаментальной науки у И. Юнга выступает протоноэтическая философия (*philosophia protonoethica*), первоочередная задача которой состоит в выявлении простейших операций ума и лежащих в их основе законов. Эти законы у него – базис критики, которая направлена на критику рассуждений и фактически носит логический характер. Правда, в качестве инструмента критики, согласно И. Юнгу, должна служить не традиционная логика, а математическая, которую он трактует в духе конструктивизма. Традиционная логика – рефлексивная наука и потому не может быть фундаментом всей системы знания. Она сама нуждается в реконструкции. И. Кант, напротив, считает традиционную логику завершенной наукой и на ней основывается при выявлении чистых рассудочных понятий. Вопрос о границах нашего познания И. Юнг считает рефлексивным и запрещает ставить в начале исследования. И. Юнг заложил основы немецкой методологической традиции, переориентировав теорию науки на поиск рациональных оснований научного опыта и подчеркнув фундаментальную роль математического знания. В эпистемологической доктрине И. Юнга мы обнаруживаем следующие принципы, которые принимает и Кант: чувственный опыт и разум являются необходимыми компонентами всякого познания, исходным объектом познания выступают феномены чувственного опыта, чувственные созерцания служат необходимым, но недостаточным основанием действительности наших знаний; основания достоверности естественно-научного познания следует искать в разуме; только принципы разума гарантируют всеобщий и необходимый характер как теоретического, так и эмпирического знания.

Ключевые слова: критицизм, немецкая методологическая традиция, протофизика, протоноэтическая философия.

* Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

Украина, г. Одесса, ул. Новосельского, 64.

Поступила в редакцию 05.04.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-2-2

© Секундант С. Г., 2014

Имя Иоахима Юнга (1587–1657) более известно среди историков науки, чем философии. Своим интересом к нему философов И. Юнг обязан прежде всего Лейбницу, который успел ознакомиться с рукописным наследием И. Юнга еще до того, как большая часть рукописей последнего сгорела во время пожара городской библиотеки г. Гамбурга в 1691 г. Лейбниц ставил его в один ряд с Пифагором, Платоном, Аристотелем, Коперником, Галилеем, Декартом и другими выдающимися людьми, «бессмертным заслугам которых человечество останется обязанным, покуда память будет сохранять уважение к истории и добродетели» (Лейбниц, 1984, т. 3, с. 164). Заслугу И. Юнга Лейбниц видел в том, что тот, подобно Ф. Бэкону, поставил задачу великого восстановления наук и вместе с Галилеем и Декартом заложил основы механистического мировоззрения. «Он был настолько велик в смысле глубины суждения и широкой разносторонности дарования, — писал Лейбниц о И. Юнге, — что я не знаю, можно ли было от кого-либо из смертных, не исключая самого Декарта, с большим основанием ожидать великого восстановления наук, если бы этот человек получил в свое время признание и содействие» (Лейбниц, 1984, т. 3, с. 415). Лейбниц сожалел, что И. Юнгу не удалось полностью реализовать задуманное, так как ему «слишком долго пришлось бороться с призраками, то есть с некоторыми хитро-сплетениями вульгарных философов, которых он повсюду громил с великим успехом» (Там же, с. 457).

Действительно, И. Юнг приложил много усилий для того, чтобы расчистить почву для нового знания. Большая часть дошедшего до нас рукописного наследия И. Юнга носит критический характер. На критический характер философии И. Юнга указывал еще Г. Э. Гурауэр. Он же первым попытался сравнить И. Юнга с И. Кантом. «Оба философа, — писал он, — пытались, исходя из своей собственной точки зрения, защитить философию и априорное знание от скептицизма (как мистического, так и эмпирического) и метафизического догматизма. Чем для Канта была критика чистого разума, тем для Юнга была логика. Отличие состоит только в том, что последний питал еще веру в реальность объектов вне нашего сознания (реализм), тогда как Кант, будучи учеником Лейбница и Юма, действовал как идеалист» (Guhrauer, 1850, S. 155). Г. Э. Гурауэр, к сожалению, ограничился только этим кратким замечанием и не попытался дать развернутой характеристики критических тенденций в философско-методологических воззрениях И. Юнга. И это вполне понятно, так как он не ставил своей целью выявление истоков кантовского критицизма. Уж слишком абсурдной казалась подобная задача, поскольку между обоими мыслителями лежала довольно большая временная пропасть, да и прижизненная известность И. Юнга была не столь велика, чтобы можно было говорить о каком-то его определяющем влиянии на развитие философской и методологической мысли в Германии XVII в. Тем не менее среди философов, которые пытались реформировать философию в духе математического естествознания, И. Юнг пользовался непререкаемым авторитетом. Его влияние мы обнаруживаем у Я. А. Коменского, который лично был знаком с И. Юнгом. К числу его последователей можно отнести и Э. Вайгеля, который развивал далее его дидактические и методологические идеи, в частности его идею математической логики и «всеобщей науки». Именно он, очевидно, смог привить Лейбницу уважение к И. Юнгу. Правда, интерес к рукописному наследию И. Юнга у Лейбница обнаруживается только в 1675 г., после его возвраще-

ния из Парижа, то есть после того, как он начал серьезно изучать математику. Как видно из его переписки с учениками И. Юнга, Лейбница прежде всего интересовала идея математической логики. В этот же период Лейбниц начинает работать над проектом «всеобщей науки». Если мы примем во внимание то огромное влияние, которое Лейбниц оказал на всю последующую немецкую философию, то вполне резонно предположить наличие влияния И. Юнга (пусть даже и опосредованного) на немецкую философию вообще и философию И. Канта в частности. Конечно, Лейбниц известен прежде всего как создатель монадологии, оригинальной метафизической концепции, а в вопросе о роли и статусе метафизики между Лейбницем и И. Юнгом существовали серьезные расхождения. Лейбниц никак не мог понять, почему И. Юнг отрицал фундаментальный характер метафизики. Он сожалел о том, что И. Юнг слишком много внимания уделяет критике и слишком мало – позитивной работе. Но именно этот аспект творчества И. Юнга должен привлечь тех, кого интересует история становления философского критицизма. И в этом отношении И. Юнг по праву может считаться «патриархом» философского критицизма, ибо его философско-методологические воззрения с самого начала носили ярко выраженный критический характер.

В 1622 г. И. Юнг организовал первое научное сообщество в Германии “*Societas Ereunetica sive Zetetica*” («Сообщество исследователей и изобретателей»), которое просуществовало до 1642 г. Одну из основных задач своего сообщества он видел в том, чтобы, «исходя из опыта и разума, не только отыскать истину, но и доказать ее после того, как она будет найдена, а также все науки и искусства, которые опираются на разум и опыт, освободить от софистики, привести к демонстративной достоверности, далее развивать путем правильного наставления и, наконец, приумножать с помощью плодотворных открытий» (Vogelius, 1658, p. 24). Говоря о необходимости очистить науки от софистики, И. Юнг подчеркивал, что под софистикой он понимает не те или иные ошибки в рассуждениях, а сам способ философствования. От своих современников, которые также пытались реформировать всю систему философского и научного знания, И. Юнг отличался тем, что он, во-первых, больше внимания уделял реформе физики, во-вторых, успехи реформы связывал прежде всего с реформой метода, а в вопросе реформы метода последовательнее, чем его современники, ориентировался на аподиктический метод математики и, в-третьих, больше внимания уделял критике господствующих взглядов. И. Юнг упрекал современную философию в том, что она отошла от идеала строгой науки (*epistemè*) и превратилась в голое мнение (*doxa*). Поэтому свои критические и полемические произведения он вслед за Галеном, Забарелой и Зеннертом обозначал греческим термином *Doxoscopia*, которое можно перевести и как «исследование мнений», и как «очищение мнений». И хотя во времена И. Юнга критика схоластики была весьма популярным занятием, его позиция и в этом вопросе сильно отличалась от мнения многих современников. Как утверждал И. Юнг, членами его сообщества был открыт «способ аподиктического опровержения самых запутанных софизмов, а именно опровержения с такой достоверностью и ясностью, с какой доказываются положения геометрии Евклида» (Vogelius, 1658, p. 12).

Своим интересом к проблемам физики вообще и к проблеме достоверности физического знания в частности И. Юнг, по-видимому, обязан Чеза-

ре Кремонини (1550–1631), лекции которого по натурфилософии он слушал зимой 1618/19 г., когда изучал медицину в Падуанском университете. Ч. Кремонини, ученик и последователь Джакомо Забареллы (1532–1589), главы Падуанской школы и выдающегося реформатора аристотелизма, упрекал Аристотеля за недостаточную строгость рассуждений и за обилие диалектических аргументов в его «Физике». Он стоял на твердых позициях эмпиризма и рассматривал опыт как необходимую составную часть всякого познания. Рассудок, по его мнению, не является самостоятельным источником познания и в лучшем случае выполняет инструментальные функции. Даже математика, согласно Ч. Кремонини, должна основываться на опыте. И. Юнг признает вместе с эмпириками, что опыт должен служить основой всякого знания о действительности. Он также согласен с их тезисом, что чувства не обманывают, обманывает разум (“*Sensus non errat, sed Cognitiva*”) (Jungius, 1679, pars 2, sec. 1, 6). Однако чувственный опыт, по его мнению, дает только неопределенное знание феноменов, которые и должны стать объектом естественно-научного исследования. В эмпиризме падуанских аристотеликов его привлекает прежде всего его антисхоластическая направленность. И. Юнг пытается далее развить и углубить эту критическую черту падуанцев и резко выступает против любого использования метафизики в естественно-научном исследовании, включая и аристотелевское учение о предикаментах. В основу своей физики он кладет критический по своему характеру методологический принцип: «Способ познания физики состоит не в том, чтобы явления приспособлять к предвзятым мнениям, а в том, чтобы гипотезы согласовывать с явлениями» (“*Modus sciendi physicus est Phaenomena non ad praeconceptas Opiniones, sed Hypotheses ad Phaenomena accomodare*”) (Jungius, 1679, pars 2, sec. 1). Внешне этот принцип выглядит как чисто эмпирический, однако И. Юнг придает ему критический смысл. В одном из своих *Disputatio* он сравнивает этот принцип с предписанием античных врачей, которые требовали сначала осмотреть больного, а только затем устанавливать диагноз и предписывать лекарство, и связывает его не с аристотелевской традицией, а с К. Галеном и Платоном. По его мнению, Платон использует этот принцип в «Софисте» для критики софистики. У И. Юнга это требование имеет как критический смысл, выраженный в предписании избегать предвзятых мнений при исследовании природы, так и позитивный, ориентирующий исследование на поиск оснований нашего знания. Требование не употреблять в рассуждениях необоснованных суждений становится у него определяющим методологическим принципом, а вытекающее из него стремление к абсолютному обоснованию своих высказываний — основным мотивом его творчества.

Несмотря на установку согласовывать гипотезы с феноменами, И. Юнга нельзя отнести к эмпирикам в традиционном смысле этого слова. Сбор и фиксацию чувственных данных (*phaenomena*) он считает важной и необходимой предпосылкой научного исследования природы, но недостаточной, поскольку феномен представляет собой нечто чувственно неопределенное (*Sensile confusum*). В *Praelectiones physicae* И. Юнг определяет феномен как сложное целое (*totum complexum*), в котором чувственно воспринимаемые предметы даны в том виде, каком они существуют в реальности без каких-либо догматических предрассудков интеллекта (*absque ullo praejudicio intellectus dogmatico*) (Meinel, 1984, S. 23). «Чувственно неопределенное» и «сложное целое» как феномены нуждаются в определении и разложении

на простые элементарные составляющие. Только в этом случае, считает он, они могут выступать в качестве базиса достоверного познания действительности. И. Юнг подчеркивает, что «как физика, так и все остальные науки должны строиться на основе точного, или дискретного, а не смутного опыта» (“*E distincta sive discreta, non confusa experientia, uti reliquae scientiae, ita physica quoque extruenda est*”) (Jungius, 1679, pars. 2, sec. 1, 5). Солидаризуясь с Дж. Забареллой, И. Юнг подчеркивает приоритет анализа над синтезом, но в отличие от Забареллы он рассматривает разум не как простой инструмент познания, а как самостоятельный источник познания, причем такой, без которого невозможно никакое всеобщее и необходимое познание, в том числе и достоверное познание действительности. И хотя И. Юнг признает, что первичная индукция лежит в основе не только вторичной индукции, но и силлогизмов, он все же считает, что индукция не способна привести к всеобщему и необходимому знанию (Jungius, 1957, liber. 3). Основания всеобщности и необходимости знания, согласно И. Юнгу, следует искать в разуме. В своей «Гамбургской логике» он определяет разум как «способность первых принципов» (“*Habitus primorum principiorum*”) (Jungius, 1957, liber. 1). Не только силлогизмы, но и первичная, и вторичная индукция должны опираться на такого рода принципы разума (Jungius, 1957, liber. 3), если, конечно, мы хотим выйти за рамки эмпирического уровня (*gradus empiricus*) достоверности знания и достичь «эпистемического уровня» (*gradus eristemonicus*), то есть такого, когда выводы вытекают из исходных принципов (Jungius, 1968, S. 258).

Не будет большим преувеличением предположить, что не только предложенная И. Юнгом проблематика, но и его концепция знания стали определяющими для немецкой методологической традиции, причем как рационалистической, так и критической. Осознание глубины кризиса, охватившего не только философию, но и все остальные науки, а также движение в связи с этим на первый план задачи поиска последних оснований достоверного знания, во многом определило основную проблематику немецкой методологической мысли. Доминирующими становятся и основные положения эпистемологической доктрины И. Юнга: 1) чувственный опыт и разум являются необходимыми компонентами всякого познания; 2) исходным объектом познания служат феномены чувственного опыта; 3) чувственные созерцания выступают необходимым, но недостаточным основанием действительности наших знаний; 4) основания достоверности естественно-научного познания следует искать в разуме; 5) только принципы разума гарантируют всеобщий и необходимый характер как теоретического, так и эмпирического знания. Все эти предпосылки мы находим и у Лейбница, и у Канта. Рационализм Лейбница отличался от рационализма Р. Декарта, Б. Спинозы и картезианцев прежде всего тем, что Лейбниц рассматривал опыт как необходимый исходный пункт всякого познания. Немецкая философско-методологическая мысль после И. Юнга обращается к поиску не просто принципов разума, но таких принципов, которые способны были бы гарантировать достоверность опытного познания. И. Юнг одним из первых поставил вопрос, откуда физика должна черпать основания для своих выводов и указал на необходимость математизации естествознания.

Причину кризиса в физике и философии И. Юнг видит в отсутствии в этих науках единства мнений, во множестве неясно поставленных вопросов,

сомнительных и неоднозначных положений (Jungius, 1929, S. 291). Напротив, в математике, утверждает И. Юнг в своей речи, прочитанной в марте 1629 г. при вступлении на должность ректора академической гимназии г. Гамбурга, царит такая ясность принципов (*principiorum evidentiam*), такая неизменность предписаний и постулатов (*praeseptorum et theorematum constantiam*), что выводы, к которым приходят математики, ни у кого не вызывают сомнений (Jungius, 1929, S. 290). Преимущество математики он видит в том, что ее положения ясны и недвусмысленны, а доказательства наглядны и не вызывают возражений, благодаря чему ей удается избежать противоречий и достичь такого единогласия, которого нет ни в одной другой науке. И. Юнг не предлагает перенести метод математики на другие науки, как это делали некоторые другие мыслители Нового времени. В рассуждениях математики он пытается отыскать особого рода логику, которая принципиально отличается от искусственной схоластической логики. И. Юнг убежден, что именно в математике законы разума проявляются в наиболее полном и наглядном виде. Он обращается к исследованию математических доказательств с целью выяснить причину их достоверности. И. Юнг уверен, что такого рода исследования помогут нам понять, как действует разум, и раскрыть природу принципов познания (*principiorum sciendi natura*). По его мнению, на примере математики мы можем обнаружить, как действует сама природа. Законы разума он рассматривал как выражение законов природы вообще. Главную причину достоверности математики он видел в простоте и доступности ее объекта (Jungius, 1929, S. 293). Эти свойства объекта математики, считает он, гарантируют точность и наглядность ее рассуждений. Благодаря последней мы можем обнаружить действительные, а не вымышленные законы, в соответствии с которыми действует разум. Секрет достоверности математики И. Юнг видит не только в простоте ее объекта, но и в стиле мышления математиков. В математике, утверждает он, разум продвигается вперед постепенно, шаг за шагом, он идет от простого к сложному, от легкого к трудному, от конечного и ограниченного к бесконечному (Jungius, 1929, S. 298). Познание предстает у него как конструктивный процесс, который начинается с простейших операций разума и развивается дальше путем их комбинирования и усложнения. И природа, согласно И. Юнгу, действует путем комбинации немногих законов, путем их постепенного усложнения. Такой конструктивный процесс становится возможным благодаря простоте объекта математики. Она же обеспечивает наглядность математических рассуждений и становится главным доводом в пользу признания фундаментального характера математики.

И. Юнг фактически первым в немецкой методологической традиции предложил искать основания достоверности научного знания в разуме, за образец же призвал взять не математический метод, а присущий математике стиль мышления. Он резко выступает против признания фундаментального характера традиционной метафизики, претендующей на познание сущего в целом (как телесного, так и бестелесного) (Jungius, 1957, liber 6). И. Юнг указывает на два основных недостатка метафизики, которые не позволяют назвать метафизику наукой: она, во-первых, не только не доказывает, но даже и не разъясняет принципы других наук (цит. по: (Kangro, 1968, S. 97)), во-вторых, ее принципы не подтверждаются опытом, как, например, принципы оптики, геометрии и арифметики. Даже принципы аб-

страктной математики, хотя и коренятся в разуме, должны, согласно И. Юнгу, получать свое (пусть даже только прагматическое) подтверждение в опыте. И хотя И. Юнг не говорит о непознаваемости «вещей в себе» и даже не отрицает возможности познания скрытых качеств, он, фактически как и И. Кант, ограничивает познание, в том числе и метафизическое, сферой опыта. Он, в частности, вводит различие между свойствами (*attributa*) и качествами (*qualitates*). Свойства (*attributa*) — это то, что характеризует вещь такой, какой она дана нам в опыте. Они либо непосредственно воспринимаются нами, либо устанавливаются с помощью эксперимента. Только они могут быть объектом достоверного познания. Если метафизика хочет быть наукой о «сущем», она должна опираться на принципы, которые подтверждаются опытом. Но это могут быть только принципы физики, так как метафизика, по Юнгу, не имеет своего особого опытного базиса и является «рефлексивной наукой» (*scientia reflexiva*), в качестве объекта у которой выступает сам разум. Науки же в собственном смысле этого слова, по мнению И. Юнга, представляют собой «прямое знание» (*scientia sive cognitio directa*), объект которого находится вне разума (цит. по: (Kangro, 1968, S. 98). И. Юнг, как мы видим, не стоит на позициях познающего субъекта, он — объективист и реалист. Этим он отличается от Декарта и Канта. Как и эмпирики, первичными он считает объекты, данные нашим внешним чувствам. От эмпириков он отличается тем, что чувственные восприятия, согласно И. Юнгу, дают нам только «неопределенные знания» и не могут служить основанием достоверного знания истины. Для него эмпирические науки — первичные, но не фундаментальные. Метафизика, будучи рефлексивной наукой, также не может служить фундаментом системы научного знания. Она, по его мнению, не может быть фундаментальной наукой еще и потому, что использует диалектические аргументы, включая в свои доказательства то, что полезно для достижения поставленных ею целей (Guhrauer, 1850, S. 79). Такой способ доказательства метафизики, по его мнению, лишает ее однозначности и очевидности. Этих недостатков лишена математика, которую И. Юнг, подобно физике, относит к *scientia directa*. Она, согласно И. Юнгу, имеет свои принципы, подтверждаемые опытом, и ее объект находится вне разума.

Разграничение знания на прямое и рефлексивное имело критический смысл и направлено было против схоластики с ее бесконечными дистинкциями. Критицизм И. Юнга был методическим. Познание действительности он требовал начинать с непосредственного знания и наиболее простого. Рефлексивное знание не является ни непосредственным, ни простым. По этой причине оно не может служить ни исходным пунктом познания, ни фундаментом всей системы знаний. Но фундаментом системы знания не может служить и неопределенный чувственный опыт. Выход И. Юнг видит в том, чтобы переориентировать методологию на поиск тех предпосылок, которые делают неопределенные чувственные данные определенными, и установить между ними методическую зависимость. И. Юнг исходит из того, что между науками природа предполагает определенные законы (*certas leges*), согласно которым один принцип связан с другим и в одном отношении его подтверждает, а в другом — отрицает. Согласно этим законам, в частности, принципы астрономии предполагают принципы оптики, а принципы оптики — принципы геометрии, принципы же геометрии — принципы арифметики. Этот порядок, в соответствии с которым должна

осуществляться всякая познавательная деятельность и благодаря которому, по мнению И. Юнга, действует природа, не может нарушаться. Поэтому метафизика в качестве рефлексивной науки должна опираться на физику, а не наоборот. На этом основании И. Юнг запрещает применение в физике метафизических принципов. Учитывая рефлексивный характер метафизического знания, можно предположить, что метафизическое познание должно стать рефлексией принципов физики. Подобное понимание метафизики мы находим у Лейбница в его идее реальной метафизики. Лейбниц, правда, отверг принцип гомогенности И. Юнга, а вместе с ним и его атомизм, реабилитировал конечные причины, которые И. Юнг решительно отвергал. В целом же Лейбниц сохранил основную идею И. Юнга: метафизика должна эксплицитировать скрытые принципы и основания научного познания.

Многие принципы, которые использует И. Юнг, в его системе выполняют критические функции. К таким принципам следует отнести не только наглядность наших рассуждений, но и те принципы конструктивной деятельности, которые определяют у И. Юнга порядок познания и, как он считает, выражают порядок действия природы в целом. Опираясь на эти принципы, И. Юнг устанавливает между науками определенный порядок, согласно которому математические науки, которые базируются на меньшем числе принципов и потому являются более точными, чем физика, выступают в качестве «аподиктической предпосылки» (*propaedeusis apodictica*) физики и получает у него название «протофизики» (*protophysica*). Такой «методический» анализ И. Юнг не считает рефлексивным, поскольку он ведет не к усложнениям, а, наоборот, к выявлению простейших математических операций, которые, по его мнению, наглядны и допускают опытную проверку. На этом основании И. Юнг относит математическое знание к «прямому».

Традиционная логика, как и метафизика, является рефлексивной наукой и как таковая не может лежать в основе ни физики, ни математики, так как она не дает «прямого знания». И. Юнг, в частности, подчеркивает, что учение о предикатах, с которого, как правило, начинается всякий учебник схоластической логики, служит, как и само понятие о предикатах, результатом сложной рефлексивной деятельности, а вопрос о предикатах — сложным рефлексивным вопросом, ответ на который требует больших духовных усилий (Jungius, 1988, *Disputatio* 19). Не только объект, но и проблематика более фундаментальных наук должна быть, по И. Юнгу, более простой. Возражая скептикам, он, в частности, указывает, что вопрос о границах познания также является сложным рефлексивным вопросом и поэтому его нельзя ставить в начале исследования. С точки зрения методического критицизма, как можно было бы охарактеризовать позицию И. Юнга, трансцендентальная критика, опирающаяся на трансцендентальную рефлексию, не выступает легитимной. Априорные формы чувственности, рассудка и разума — продукты сложной рефлексивной деятельности и не представляют собой «прямое знание». И. Юнг, как и Кант, требует предпослать научному познанию исследование природы разума. Его критика, таким образом, была не только и не столько «критикой книг и систем», сколько критикой разума. Но исследование природы нашего разума он понимает иначе, чем Кант. Свою основную задачу он видит не в исследовании «способности разума вообще» (*Kritik des Vernunftvermögens*)

überhaupt), а в выявлении элементарных операций нашего ума. Критика, как и познание, согласно И. Юнгу, должны основываться на принципах, в соответствие с которыми действует наш разум. В этом Кант и И. Юнг солидарны. Отличие состоит в том, что Кант эти принципы ищет в традиционной логике, а И. Юнг — в математике. И. Юнг резко выступает против аристотелевского учения о силлогизмах, подчеркивая, что ни в математике, ни в физике рассуждения не строятся по тем правилам, которые были сформулированы Аристотелем и его последователями. И. Юнг одним из первых предложил идею создания математической логики, и именно это привлекло интерес к нему Лейбница. Канту же не свойственно было столь критическое отношение к логике, и в своей «трансцендентальной аналитике» при осуществлении «метафизической дедукции категорий» он обращается к традиционной логике.

И. Юнг относился критически не только к традиционной логике, но и к математике. Несмотря на всю свою достоверность, математика, по И. Юнгу, не может также служить последним основанием системы научного знания (*scientia totalis*), поскольку многие ее положения нуждаются в доказательстве, а сама математика, таким образом, нуждается в пропедевтике. В качестве такой пропедевтики И. Юнг предлагает протоноэтическую философию, одна из основных задач которой состоит в том, чтобы разложить всякую операцию человеческого разума вплоть до последних, далее неразложимых понятий. Эти понятия И. Юнг называет “*proto-noemata*” (“*Proto-noetica Philosophia dicitur, quia omnem intellectu operationem resolvit usque in proto-noemata, h. e. irresolubiles notiones*”) (Jungius, 1968, S. 256). Он исходит из того, что их число конечно, как и конечно число легитимных способов их связи. Следующая задача протоноэматики состоит в том, чтобы, исходя из конечного числа *proto-noemata* с помощью конечного числа легитимных способов связи (*per modos componendi legitimos*), получить конечное число точно определенных понятий, которые могут использоваться затем в процессе познания другими науками. Для И. Юнга человеческое познание по своей природе является конструктивным. Принцип конструктивности, который у него часто понимается как принцип прагматического порядка, выполняет у него не только методические, но и критические функции. Он не только определяет границы разумного познания (познанию доступно только то, что выводится из исходных, «далее неразложимых» понятий (“*proto-noemata*”) на основе принципов, число которых также конечно), но и достоверность демонстративного познания (достоверным считается познание, лишенное пробелов и осуществляемое в соответствии с методическим порядком). Принцип методического порядка не только определяет, какие понятия и суждения допустимы, но и порядок их получения, а также порядок постановки вопросов.

И. Юнг фактически стоит на позициях концептуального атомизма и финитизма. Он исходит из того, что анализ можно довести до последних далее неделимых понятий, а также верит, что число таких понятий, как и операций, конечно. Конечное число таких далее неделимых понятий является основанием наглядности и достоверности наших рассуждений. На этом базируется и критические функции протоноэтической философии. Критика И. Юнга фактически выступает логической критикой и предполагает создание принципиально новой логики, по отношению к которой протоноэтическая философия служит и как ее пропедевтика, и

как ее базис. Важной составной частью протоноэватической философии у И. Юнга является *Doxoscopia* («исследование мнений»), задача которой состоит в том, чтобы вскрыть и с аподиктической достоверностью опровергнуть пустоту необоснованных мнений. Докоскопия, согласно И. Юнгу, может использовать три метода: 1) *antisagoge*, 2) *procheresis* и 3) *disputatio apodictica*. С помощью первого мы вскрываем противоречия у противника, а с помощью второго обнаруживаем двусмысленность и пробелы в его рассуждениях. Аподиктический способ ведения полемики состоит в том, что мы, опираясь на небольшое число законов, которые признает наш противник, и в процессе выведения следствий обнаруживая промахи в рассуждениях противника, с такой необходимостью разрешаем спорные вопросы, с какой выводятся теоремы в геометрии Евклида (Jungius, 1968, S. 269). Логике И. Юнга можно рассматривать как прообраз оперативно-конструктивной логики. Критицизм И. Юнга поэтому ближе к критицизму Г. Динглера и Эрлангенской школы (П. Лоренцен, Ю. Миттельшрас, Ф. Камбартель, П. Яних и др.), чем к критицизму И. Канта. Тем не менее протоноэватическая философия — это одна из первых форм философского критицизма, которая оказала (пусть и косвенное) влияние на формирование критической традиции в немецкой философии вообще и на критицизм Канта в частности. Как и Кант, И. Юнг требует сначала исследовать принципы, в соответствии с которыми действует разум, а лишь затем обращаться к познанию вещей. Подобно И. Канту, он требует учитывать наши познавательные возможности. Так, И. Юнг отвергает учение о конечных причинах на том основании, что человеческому разуму недоступны намерения Бога. Критике догматических взглядов он уделяет не меньшее внимание, но его критика является скорее логической критикой метафизических доктрин, чем критикой разума. Правда, в своей критике метафизических доктрин И. Юнг предпочитает опираться на те принципы разума, которые обнаруживаются прежде всего в математике. Они могут быть объектом «прямого знания» и доступны «опытной проверке». И. Юнг делает предметом своего исследования не познавательные способности, а операции разума, поскольку они как объект познания доступнее, чем познавательные способности. Первые могут стать предметом опытного исследования, что же касается вторых, то они могут стать предметом только рефлексивного познания, которое субъективно и не может стать предметом объективного исследования. Для И. Юнга, как и впоследствии для Лейбница, исследование познавательных способностей фактически сводится к анализу простейших операций ума и поиску лежащих в их основе законов. Критику И. Юнг понимает как критику рассуждений с точки зрения законов математической логики, первые формулировки которых мы у него находим.

Основная заслуга И. Юнга состоит в том, что он, во-первых, переориентировал методологическую мысль на поиск оснований достоверности естественно-научного знания; во-вторых, указал на фундаментальный характер математики и математической логики, а, в-третьих, последние основания знания требовал искать в элементарных операциях нашего ума. Фактически он сформулировал научную программу, которой преимущественно занималась немецкая методологическая мысль вплоть до XX в., хотя и на основе разных философско-методологических предпосылок. Важно отметить, что основные свои идеи И. Юнг сформулировал до появления «Рассуждения о методе» Р. Декарта. Если Р. Декарт пытался реабилитировать

метафизику, то философия И. Юнга носила явно выраженный антиметафизический характер. Ознакомившись в конце жизни с трудами Р. Декарта, И. Юнг указал на главный его недостаток: Декарт смешивает логику и метафизику. В качестве критических инстанций И. Юнг признает чувства, которые сами по себе не обманывают, и разум, который может обманывать. Чтобы избежать заблуждений, он и требует отыскать элементарные операции ума и выявить их законы. Хотя критика И. Юнга носит логический характер, в качестве главного инструмента критики он требует использовать не столько искусственную логику Аристотеля, сколько новую, оперативную логику, выводы которой носили бы наглядный характер.

Список литературы

1. Лейбниц Г. В. Соч. : в 4 т. М., 1982–1989.
2. Guhrauer G. E. Joachim Jungius und sein Zeitalter. Stuttgart und Tübingen, 1850.
3. Jungius J. Praecipuae Opiniones Physicae, passim receptae, breviter quidem, sed accuratissime examinatae, ex recensione et distinctione Martini Fogelii... cujus annotationes quaedam accedunt. Accessit nunc primum ejusdem auctoris Harmonica et isagoge phytoscopica. Hamburg, 1679.
4. Jungius J. Über den Propädeutischen Nutzen der Mathematik // Beiträge zur Jungius Forschung. Hamburg, 1929.
5. Jungius J. Logica Hamburgensis. Hamburg, 1957.
6. Jungius J. Protonoeticae philosophiae sciagraphia // Kangro H. Joachim Jungius Experimente und Gedanken zur Begründung der Chemie als Wissenschaft. Ein Beitrag zur Geistgeschichte des 17. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1968. S. 256–271.
7. Jungius J. Disputationes Hamburgenses. Kritische Edition. Göttingen, 1988.
8. Kangro H. Joachim Jungius' Experimente und Gedanken zur Begründung der Chemie als Wissenschaft. Ein Beitrag zur Geistgeschichte des 17. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1968.
9. Meinel Chr. In physicis futurum saeculum respitio. Joachim Jungius und die naturwissenschaftliche Revolution des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1984.
10. Vogelius M. Historia vitae et mortis Joachimi Jungii. Straßburg, 1658.

Об авторе

Сергей Григорьевич Секундант — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и основ общегуманитарного знания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, secund@inbox.ru

I. KANT AND J. JUNGIIUS: ON THE DEVELOPMENT OF CRITICAL TRADITION IN THE 17TH CENTURY GERMAN PHILOSOPHY

S. G. Sekundant

This article presents a comparative analysis of the "critical programmes" of Joachim Jungius and I. Kant. J. Jungius's "criticism" is characterised as methodological, whereas that of Kant as reflective. Kant's "transcendental criticism" is based on transcendental reflection, whereas J. Jungius's "methodological criticism" requires that critique is grounded in immediate rather than reflective knowledge. Kant is a subjectivist, whereas J. Jungius is an objectivist and realist. For J. Jungius, the basic science is protonoetic philosophy (philosophia protonoetica), whose major task is to identify the elemental operations of mind and the underlying laws. These laws serve as the basis for critique, which is aimed against the critique of reasoning and is of logical nature. Ho-

wever, according to Jungius, it is not traditional but mathematical logic – which he interprets in the manner of constructivism – that should be the instrument of critique. Traditional logic is a reflective science and thus cannot serve as the basis for the whole system of knowledge. It itself requires reconstruction. On the contrary, I. Kant believes that traditional logic is a complete science, which acts as a basis for identifying pure concepts of the understanding. J. Jungius considers the question about the limits of our cognition reflective and forbids posing it in the beginning of research. J. Jungius formulated the basis of German methodological tradition through reorienting theory of science towards the search for rational bases of scientific experience and emphasising the fundamental role of mathematical knowledge. J. Jungius's epistemological doctrine contains the following principles adopted by Kant: sensible experience and reason are necessary components of cognition, the initial object of cognition is the phenomena of sensible experience, sensible intuitions are a necessary but insufficient basis for the validity of our knowledge; the bases of validity of natural science knowledge are to be found within reason; only the principles of reason can guarantee the universal and essential nature of both theoretical and empirical knowledge.

Key words: critique, German methodological tradition, protophysics, protonoetic philosophy.

References

1. Leibniz, G. W. 1982–1989, *Sobranie sochineniy v 4 tomah* [Collected works in 4 volumes], Moscow, vol. 2.
2. Guhrauer, G. E. 1850, *Joachim Jungius und sein Zeitalter*, Stuttgart und Tübingen.
3. Jungius, J. 1679, *Praecipuae Opiniones Physicae, passim receptae, breviter quidem, sed accuratissime examinatae, ex recensione et distinctione Martini Fogelii, ... cujus annotationes quaedam accedunt. Accessit nunc primum ejusdem auctoris Harmonica et isagoge phytoscopica*, Hamburg.
4. Jungius, J. 1929, Über den Propädeutischen Nutzen der Mathematik, in *Beiträge zur Jungius Forschung*, Hamburg.
5. Jungius, J. 1957, *Logica Hamburgensis*, Hamburg.
6. Jungius, J. 1968, Protonoeticae philosophiae sciagraphia, in Kangro, H. *Joachim Jungius Experimente und Gedanken zur Begründung der Chemie als Wissenschaft. Ein Beitrag zur Geistgeschichte des 17. Jahrhunderts*, Wiesbaden, pp. 256–271.
7. Jungius, J. 1988, *Disputationes Hamburgenses. Kritische Edition*, Göttingen.
8. Kangro, H. 1968, *Joachim Jungius' Experimente und Gedanken zur Begründung der Chemie als Wissenschaft. Ein Beitrag zur Geistgeschichte des 17. Jahrhunderts*, Wiesbaden.
9. Meinel, Ch. 1984, *In physici futurum saeculum respitio. Joachim Jungius und die naturwissenschaftliche Revolution des 17. Jahrhunderts*, Göttingen.
10. Vogelius, M. 1658, *Historia vitae et mortis Joachimi Jungii*, Straßburg.

About the author

Dr Sergey Sekundant, Associate Professor, Department of General Humanities Knowledge, Faculty of Philosophy, I.I. Mechnikov National University of Odesa, secund@inbox.ru